

Бризин Корпс

ПРИВЕТ, МИСТЕР
ШЛЯПА!

Бризин Корпс

Привет, мистер Шляпа!

«Издательские решения»

Корпс Б.

Привет, мистер Шляпа! / Б. Корпс — «Издательские решения»,

Все начинается с, казалось бы, совершенно обычной домашней работы, написанной мальчиком по имени Оэджи. Он пишет как-то зло и раздраженно и этим озадачивает свою учительницу Кариль. Она решает познакомиться с мальчиком и тем самым оказывается втянутой в очень неприятную историю, которая заканчивается для нее и ее парня весьма плачевно. События становятся все серьезнее и серьезнее, и проблема принимает Вселенские масштабы. Ах да, все дело в том, что мальчик коллекционирует человеческие души.

Содержание

1		6
	1	6
	2	7
2		11
	3	11
	4	12
	5	15
	6	19
	7	24
	8	31
3		33
	9	33
	10	34
	Конец ознакомительного фрагмента.	38

Привет, мистер Шляпа!

Бризин Корпс

Моему авокадо, растущему в темноте, но все равно прекрасному.

© Бризин Корпс, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

1

Привет, мистер Шляпа!

Прости, что так долго не писал тебе писем. Точнее – что не писал их вообще. В принципе, можешь и не прощать. Я и сейчас пишу просто потому, что нам задали это в школе – написать письмо одному из своих друзей. У меня нет друзей, поэтому я пишу тебе. Тебя тоже нет, но пускай.

Я не думаю, что я определился с карьерой. По-моему, это вообще не важно. Какая разница, что я решу, если в большинстве случаев мои решения разбиваются вдребезги, равно как и мечты с надеждами? Я могу тебе сказать, что мечтаю быть мечтателем и получать за это деньги. Вот она, моя карьера – фантазер. Сойдет?

Почему? Да потому что я не хочу тратить определенную часть дня на то только, чтобы трудиться в поте лица и зарабатывать себе на пропитание. Меня, к тому же, ни одна работа не увлекает. Так что я не думаю, что когда-нибудь кто-нибудь увидит меня в качестве рабочего, беспрекословно исполняющего возложенные на него обязанности.

Ты выбрал быть учителем иностранных языков? Поздравляю: языки – это еще более или менее интересно, так что отчасти поздравление искреннее. Однако не понимаю твоего стремления к общению с людьми. Переводчик, учитель... Все это подразумевает наличие кого-то в непосредственной близости к тебе. Не могу понять. Хоть убей, не могу. Но это твоя жизнь, и это твое право гробить ее по-своему.

Ты пишешь, что, мол, хочешь поехать в другие страны. Опять же – люди... Но я уже понял, что ты человек общительный. Твоя беда. Твой минус. Как насчет полететь в Идарис, к примеру? Там людей много, не находишь? Что думаешь об их культуре? Как считаешь, как они тебя видят – таким, каким ты хочешь казаться, или же таким, какой ты на самом деле есть?

Оэджи.

2

Как только Кариль пришла домой, она отправилась на кухню и поставила чайник. Когда вот так вот, среди ночи, возвращаешься домой после бара, а завтра надо еще проверить кучу домашних заданий своих учеников, то избавиться от сонливости и депрессивности помогает лишь кофе. Только что смолотый и сваренный кофе – что может быть лучше? Это не растворимый порошок, который пьешь, только когда нет времени сделать нормальный, это именно настоящий кофе, пить который одно удовольствие.

Пока чайник нагревался, Кариль достала кофемолку и воткнула вилку в розетку, засыпала туда кофейные зерна. Звук размолы приводил в чувство ничуть не хуже самого кофе на выходе. Это дребезжащее и, казалось, невозможно громкое тарахтение заставляло сон в страхе убегать прочь, и сознание каким-то непостижимым образом прояснялось. Стоя на кухне в ожидании, Кариль даже подумала, что чувствует себя так, словно и не пила ни капли – ни вино, ни виски, ни... Нет, там было много всякого, и нельзя просто так о таком забыть.

Теперь аромат кофе заполнял всю комнату, которую женщина по неясной причине называла кабинетом. От кабинета тут только стол, а все остальное – чистая спальня. В двухкомнатной квартире не особенно-то обустроишься. Вариантов тут не так много. Может, чтобы не чувствовать себя некомфортно в своей норке, Кариль и решила назвать одну из комнат красивым словом «кабинет»? Кто знает.

Она сидела перед стопкой тетрадей. Локти поставлены на стол, пальцы зарываются в волосы, глаза раскрыты настолько широко, что у случайного наблюдателя это могло бы вызывать желание перекреститься. Единственным источником света в комнате, да и во всей квартире сейчас, была только настольная лампа, раздражающая темноту в одной лишь ее части – непосредственно над рабочим местом Кариль.

В висках стучало. Клонило в сон. Хотелось просто выключить свет и провалиться в забытие. Зачем только она пошла в учителя? Почему вообще решила идти работать? Какая она все-таки самонадеянная! Думала, что сможет прожить своими силами, работать в поте лица, однажды дослужившись чуть ли не до директора, тем самым обеспечив себе беззаботную жизнь дальше. Она-то надеялась всему миру показать, что она не сдастся, что она сможет пере-силить саму себя, стать Кем-то, «пробиться».

Но была проблема. Эту проблему Кариль все время пыталась не принимать во внимание, и в том была непосредственная ошибка.

Ей не хотелось работать.

На самом деле было бы даже странно, если бы в двадцать семь лет ей хотелось работать. Двадцать семь – это расцвет юности, это кипение жизни, это активность и желание отдыхать и веселиться. Идти работать до тридцати пяти лет – это все равно, что вешать себе хомут на шею, подписывать договор на рабство, ожидая от всего этого только лишь счастья и успеха. Но на самом-то деле все не так обстоит.

Вот как делают умные девушки? Умные девушки не думают о всяких этих работах – какой в том толк, если у каждой уже чуть ли не с рождения в голове формируется план? Его осуществлению способствуют хитрость и красота, а сам он как нельзя более прост: надеть что-то пооткровеннее, пойти в место скопления всяких снобов, похлопать ресничками, пострелять глазками, ответить «да» перед священником – все. Малина. Считай, что беззаботность у тебя в кармане.

Более сложная версия включает в себя еще один этап – рождение детей и последующий развод с загребанием большого количества денег себе в руки.

Самый продвинутый план – это сложная версия без детей.

А она? А что Кариль?

А Кариль, видите ли, «не такая», она всего сможет добиться сама. Да чего ж тут добьешься с зарплатой, тринадцать сотых которой уходит на налог, треть – на оплату квартиры и услуг и еще треть – на пропитание?

Надо было засунуть самоуважение как можно дальше в задницу и пойти по многими выбранной дорожке – найти себе богатого папеньку и жить-поживать в особняке...

Кариль мотнула головой из стороны в сторону, внезапно заметив, что уже в который раз перечитывает строки на листке перед собой.

Все эти мысли... О профессии и выборе пути существования... Все это было навеяно этой экс-деревяшкой с чернильными загогулинами, называемыми буквами.

Смутно припоминалось, что она задавала то ли 6 «Б», то ли 8 «А», то ли какому-то другому классу написать письмо одному из своих друзей-одноклассников. Давался обрывок вроде как полученного письма, и необходимо было настрочить ответ, придумав имя адресата. Да-да, было-было.

«Ты уже что-то решил насчет своей карьеры? Какую хочешь работу выбрать? Почему?» – было написано в том отрывке.

Кариль отпила от чашки и, протерев глаза костяшкой указательного пальца, взяла листок в руки, принялась вновь его перечитывать.

Весь текст казался странно знакомым. Возникло что-то типа deja-vu. Может, Кариль и удивилась бы этому, но сейчас у нее было готово обоснование: она уже несколько раз читала эту работу. Тут уж хочешь не хочешь, а чувство deja-vu возникнет.

– Иди спать уже, Кари, – послышался вдруг мягкий, но настойчивой голос со стороны кровати. Прошелестело одеяло и пару раз что-то глухо хлопнуло – по всей видимости Мариус так пытался позвать к себе девушку.

– Не могу, у меня еще куча работы, – чувствуя отвращение к кипе бумаг перед собой, ответила Кариль.

Раздались шаркающие звуки – Мариус приближался, не удосуживаясь поднять ноги и буквально волоча тапочки за собой. Его руки коснулись плеч Кариль, а губы слегка прикоснулись к уху и поцеловали его.

Девушка вздохнула. Больше всего на свете ей не хотелось сейчас проверять эти чертовы работы. Мариус массажировал ее плечи, и, как обычно и происходит, какой-то голос внутри ее головы начал ласково мурлыкать и звать в постель, к любимому.

«Давай, иди поспи», – говорил кто-то. «Подумаешь, тетради...»

Если бы этот кто-то мог стать осязаемым, он наверняка принял бы облик большого пушистого кота, с поразительной настырностью трущегося о ноги своей хозяйки.

– Мне надо проверить... – как-то неуверенно, словно бы спрашивая разрешение, пробормотала Кариль, вся обмякнув, как глина в руках скульптора.

Мариус снова наклонился к ней.

– Ну подумаешь, не проверишь ты тетради, – его голос был очень похож на тот, что раздавался у Кариль внутри. – Ты ведь учитель, в конце-то концов! Ты вполне можешь придумать что угодно, а твои ученики не имеют никакого права ни оспаривать твои слова, ни что-либо требовать. Поэтому иди-ка ты спать, – последнее слово Мариус растянул, так что «ть» даже не было слышно. Этот трюк в конец сразил уставшую Кариль, и она сдалась.

– Ну хорошо, хорошо, я иду, – она осторожно вырвалась из массирующих ее плечи рук, но, прежде чем встать, посмотрела на стол, поддавшись какому-то импульсу. – Только вот одно письмо оценю и сразу же пойду...

Мариус, уже подавшийся назад и довольный своей победой, отчаянно вздохнул и наклонился снова, положив подбородок своей девушке на плечо. Стараясь как можно громче и как

можно более томно вздыхать, он посмотрел на заинтересовавший Кариль лист. «Ну ладно, что уж», – подумал он. «Всего одно письмо».

Дочитав до конца, Кариль какое-то время сидела неподвижно и о чем-то думала. Повернувшись назад и поймав взглядом глаза Мариуса, она спросила с выражением озадаченности на лице:

– Прочитал?

Ее парень кивнул. Его лицо тоже выражало озадаченность.

– Что думаешь? Что мне ставить ему?

– И все работы вот в таком виде?... Я имею в виду, все твои ученики... – он замешкался, не умея подобрать нужное слово.

– Ненавидят мир? – попыталась Кариль.

– Не совсем. Это звучит слишком раздуто. Скорее – все ли такие недовольные? И все ли у тебя никем не хотят стать и... вообще?

– Нет, – ответила Кариль и для пущей убедительности мотнула головой из стороны в сторону. Мариус уже сидел на краешке кровати, и она повернулась на стуле к нему лицом. – Сколько раз давала это в качестве домашнего задания, но до сих пор ничего похожего мне читать не приходилось.

Мариус молчал. Поставив локти на колени, он вытянул указательные пальцы и свел их вместе, оперев о них подбородок. Он думал, но не говорил ни слова.

– Ну, все ведь не так уж и плохо, – пожалла плечами Кариль, не желая терять время, которое можно потратить на сон. – Люди ведь бывают разные. Что тут можно сказать?

– Люди-то бывают... – как-то неопределенно ответил Мариус голосом из потустороннего мира. Он откинулся назад и оперся на локти, блуждая взглядом в пространстве над головой Кариль. – Вот только дети... Я не знаю, как бы это сказать... Понимаешь, я буквально прочувствовал силу его раздражения. Этого, как его, Уиджи?

– Оэджи, – поправила девушка.

– Верно. То есть в нем столько энергии, что все, к чему он прикасается, пропитывается ею чуть ли не насквозь. Его раздражение, его недовольство... Неприятный запах, – Мариус прищелкнул губами. – Точно, неприятный запах! Это примерно то же.

– Хочешь сказать, что бедный мальчик воняет? – решила на каламбур Кариль и встала со стула, положив пальцы на кнопку настольной лампы, в любой момент готовясь потушить свет.

– Это аллегория, – серьезно парировал Мариус. – Блин, я просто хочу сказать, что меня поражает не то, что мальчишка озлоблен, но то, что эта злоба сочится из него и отравляет все во...

Кариль уже щелкнула выключателем и, быстро приблизившись к лежащему на кровати парню, бережно закрыла ему рот рукой.

– Помолчи. Я спать хочу вообще-то. Ты меня от работы именно для сна оторвал, забыл? Так что будь любезен – спи.

Она убрала руку и пролезла дальше на кровать, принявшись раздеваться.

Мариус закопошился где-то сбоку и тоже продвинулся ближе к изголовью. Он хорошо видел в темноте, поэтому ему не составило труда отыскать в ней лицо любимой и повернуться к нему.

– А из какого класса этот парниша?

– О боже, ты что... – Кариль закатила глаза, будто кто-то мог это видеть.

– Да все-все, ничего не спрошу больше. Обещаю. Только это – из какого он класса?

Кариль уже разделась и, протянув руку в сторону от себя (туда, где предположительно находился край рабочего стола, а то есть – небольшая полочка на нем), небрежно положила туда одежду и забралась под одеяло.

– Не знаю, если честно, – ответила она после проделанных манипуляций. – Я не запомню, кто и что...

– Можешь его найти?..

– Мари...

– И когда найдешь, организовать нам...

– Мари...

– Встречу?

– МАРИУС! – девушка аж села на кровати, вся пылая праведным гневом. – Ты меня отрываешь от работы, объясняя это тем, что мне надо бы поспать, а потом не даешь мне, собственно, поспать! Это что такое вообще?

– Кари...

– Нет, мистер, погодите! – ее уже было не остановить. Женщину вообще не остановишь, стоит ей только взять разгон. – Потом ты задаешь какой-то вопрос и говоришь, что он последний, а спустя уже несколько секунд надоедаешь мне еще пачкой! Любимый, я тебя зарежу.

Мариус молчал. По опыту он знал, что надо дожидаться штиля, чтобы выплыть из этой бухты.

Кариль еще некоторое время посидела, но, поняв, что ничего в ответ не услышит, легла на бок лицом к столу.

– Хорошо, – через зевок сказала она. – Найду его и устрою вам сеанс. Психотерапевт ты чокнутый.

Мариус, прошелестев одеялом, пробрался к Кариль и чмокнул ее в щеку.

– Я тебя тоже.

Она поняла, о чем он.

2

3

Привет, мистер Шляпа!

Я хотел лишь только подписать пару строк к прошлому своему письму на твое имя. Дело в том, что я знаю, что ты не существуешь и что кое-кто другой прочитал мной написанное. Я хочу сказать, что это не беда и я не обижен и не оскорблен. Я считаю, что, раз что-то произошло, значит это должно было произойти. Вероятно, и данные обстоятельства тоже сослужат мне своего рода службу, ты согласен?

Пока мои письма хоть кто-то читает, ты существуешь. Ты каждый раз принимаешь новое обличье, но, так или иначе, все равно существуешь.

Ты – просто понятие, а не сам человек. Ты – мои мысли о читающем, а не он сам. По сути, ты и не должен существовать в полном смысле этого слова. Я придумал тебя и смысл твоего бытия в качестве мысли. Вот она, твоя задача:

Просто позволь тому, что должно, случиться.

Оэджи.

4

Мариус специально проснулся с утра пораньше, чтобы успеть выключить будильник и дать Кариль немного времени на досмотр сна.

Пока девушка спала, он успел сходить в душ, допить холодный, забытый ночью кофе и приготовить вместо него горячий капучино. В холодильнике он нашел упаковку с двумя пончиками. Поставив их на полминуты в микроволновку, Мариус вернулся в спальню-кабинет, тихонько подошел к кровати и сел перед спящей Кариль. Будить ее не хотелось – она спала сном младенца, ее лицо выражало чистую невинность. Не зная он, где вчера ошивалась эта самая невинность, Мариус бы даже растрогался. Сейчас же он нежно улыбнулся, удивившись такому контрасту внешнего облика и внутреннего мира, осторожно протянул руку вперед и двумя пальцами поправил спадающую на лоб Спящей Красавицы¹ прядь волос. Тревожимая недовольно забурчала и вцепилась в одеяло, порываясь натянуть его на самые уши.

– Вставай, Кари, – в полголоса позвал молодой человек.

Ответом ему было лишь недовольное бурление слов внутри горла.

– Я жду.

Кари с трудом разлепила один глаз.

– Пять минут?.. – с надеждой попросила она. Мариус замотал головой, и Кариль надулась, точь-в-точь как делают дети.

Микроволновка запищала, возвещая о том, что пончики нагреты, а ее работа выполнена.

– Видишь, микроволновка уже работает, – сквозь улыбку сообщил Мариус, вставая. – И тебе тоже надо бы.

– Пытки какие, люди добрые... – пробурчала Кариль в одеяло. – Сам спать зовет, а с утра пораньше будит еще... Изверг какой-то.

– Давай-давай, – подгонял ее Мариус тем временем.

Голос его доносился уже из коридора. Кариль присела на кровати и посмотрела в дверной проем, удивившись, что ее мучения так неожиданно прервались.

– Кофе на столе, а пончики я пока не вынимал из микроволновки, чтобы они не остыли. Не забудь достать их. Я буду в машине – надо ее завести. У тебя пятнадцать минут.

Улыбнувшись ей, парень исчез в дверях, оставив Кариль наедине с собой, к тому же – в полной прострации.

Да, дела... Пятнадцать минут. И это на то, чтобы одеться, умыться и поесть...

Если женщину поставить перед фактом, она в большинстве случаев немного поспорит, но так или иначе примет его как должное, в конечном итоге подстроившись под него. Вот если бы Мариус не сказал: «у тебя пятнадцать минут» тоном, не претерпевающим никаких возражений, то на вряд ли Кариль вообще бы встала сегодня утром. Скажи ей: «за пятнадцать минут справишься?», и она бы так и лежала бы до вечера в уютной постельке, никем не тревожимая. Кроме директора школы. Которого, впрочем, можно легко игнорировать, легким движением пальца выключив телефон.

Но нет – нет иного пути.

Чувствуя себя солдатом на службе, одевающимся, пока горит спичка, Кариль кое-как собралась и уже через восемь минут вытаскивала пончики из микроволновой печи, весьма ловко перемещая их в ротовую полость и стискивая своими только что почищенными зубами.

Проверив, все ли она выключила и закрыла, все ли тетради забрала, она наконец вышла из квартиры, не забыв (что удивительно в таком состоянии) закрыть за собою дверь.

---

¹ Сказка Шарля Перро, а также братьев Гримм. Отсылки на нашу реальность в диалогах и размышлениях героев не наблюдаются.

Голова сама по себе клонилась вниз – было очевидно, что желание спать, возникшее уже с утра, с течением дня будет только лишь усиливаться. Ну вот как все-таки повезло богатеям, которые могут спать себе и спать, сколько душе угодно, а ей – умной и самостоятельной, ни от кого не зависящей – приходится вставать ни свет ни заря и ехать на работу, чтоб только провести последующие несколько часов в компании довольно неприглядных личностей. Тут тебе и полнота, и удобка, и вонь, и гонор, и смех, и слезы – прямо не школа, а мыльная опера с примесями хоррора и намеками на многосерийность и тотальную бессюжетность.

Какого черта она вообще туда ходит?

Додумывать мысли пришлось уже в машине, хотя как она там очутилась, Кариль не поняла совершенно. Оно и не мудрено – сколько вчера она выпила? Куда тут на утро быть огурчиком? Тем более в такую-то рань? Благо еще, Мариус молчит себе и тихо-мирно рулит. Не хватало еще разговоров, утреннего – достаточно. Еще – увольте.

Случайно вспомнилось письмо этого злосчастного Оэджи. Почему-то оно словно застряло под корочкой мозга. Словно заноза под ногтем, обломавшаяся прямо у основания – никак не вытащишь, а забыть не получается, ибо болит и ноет. Наверное, все дело было в том, что она перечитывала одно и то же чуть ли не с десятков раз. Неудивительно поэтому, что информация на клочке бумаги буквально впечаталась в мозг.

Тетради были запиханы в сумку, а сумка покоилась на коленях – Кариль никогда не оставляла ее ни сзади, ни где-то еще. Это была не вещь, это была часть ее тела – полноценная третья рука, и поэтому она постоянно была рядом.

Кинув взгляд в нутро своего всегдашнего спутника, Кариль, заметив тот самый листочек, о котором только минуту назад вспомнила, выудила его и принялась перечитывать. В который уже раз.

Мариус, стрельнув глазами в сторону зашевелившейся подруги, поинтересовался:

– Опять тот листок?

Девушка промолчала, дочитывая до конца. Брови были сдвинуты, что показывало, как сильно Кариль напрягает свой мозг и заставляет мысль течь в правильном направлении, хотя той так и хотелось завернуть куда-то или исчезнуть вовсе. Слишком уж ныла голова, чтобы еще заставлять ее работать. Но, подумав, что раз от боли в мышцах помогают физические упражнения, то от головной боли вполне излечит умственная активность, девушка перестала мучиться и вместо этого принялась думать и разбирать по частям то, что вновь взяла в руки.

– Ты не забыла, что мне обещала?

Девушка быстро посмотрела в сторону Мариуса и тут же отвернулась, уставившись на дорогу и прикидывая, сколько оставалось еще до школы. Оказывается, они уже подъезжали, так что был смысл готовиться к новым тяготам и мукам, а также – настраиваться на работу, хоть это и казалось сейчас крайне трудным и чуть ли не невозможным.

– Что-то я не припоминаю, что я тебе именно **обещала**, – с нажимом ответила она. Сейчас ее раздражало все. И это понятно – когда человек не высыпается, его легко выводит из себя абсолютно любая мелочь. Вот и сейчас то же происходило: Мариус был под прицелом, и сделай он шаг влево-вправо, Кариль могла его пришибить на раз.

Но парень, очевидно, был не таким идиотом, как все остальные. Казалось, он знает, где можно подорваться при прогулке на этом минном поле, и поэтому так мастерски обходит все опасные места.

Не зря же Мариус работает психотерапевтом. Надо отдать ему должное – в отличие от множества «профессионалов» в данной области в наше время, он был действительно хорош в плане понимания людей. Он не просто сидел на своем кресле и, слушая очередного пациента, кивал в такт льющимся словам, смотря при этом на часы и время от времени предлагая всякие разные тестики. Нет, Мариус на самом деле мог слушать. Он вслушивался, интересовался деталями и через какое-то время полностью окутывал себя тем, что ему говорили. Он не нагружал

себя сыпавшимися на него проблемами, но он умел вообразить их в качестве табличек перед собой. Пока пациент говорил, Мариус мысленно проводил линии от одной дилеммы к другой, что-то подмечал, что-то подчеркивал, делал выводы и проводил параллели. Он работал. Он на самом деле работал, а не просто так просиживал сиденье кресла.

Ему не стоило труда разобраться в человеке. Нет ничего удивительного в том, что он давно раскусил, что из себя представляет душа Кариль. Он давно разгадал все ее секреты, принял все ее минусы и увидел ее с разных сторон. Можно сказать, что он съел изюминку. Он знал ее от и до. И их отношения были идеальными, потому что Мариус всегда знал, что нужно делать в той или иной ситуации. Вот и сейчас он прекрасно справился с нависшей неприятностью.

– Приехали, – сказал он спустя некоторое время, за которое Кариль успела остыть и отдохнуть, убрать палец с курка воображаемого пистолета и дать своей жертве время уверенности в своей безопасности.

Девушка повернулась в сторону Мариуса и поймала его взгляд.

– Я не знаю, из какого он класса, – начала она. Теперь уже она сама хотела говорить об этом. – Оэджи, я имею в виду... Но я думаю, можно пойти к директору и запросить списки учеников разных классов. Оэджи – это все-таки не такое уж частое имя. Я даже и не думала, что кто-то еще называет своих детей так, – краешком рта Кариль улыбнулась. Мариус молчал, внимательно слушая и не спуская глаз с лица собеседницы. – Сколько сейчас времени?

Парень быстро глянул на наручные часы и ответил:

– Восемь.

– Хм. Хорошо. Тогда я успею зайти прямо сейчас. Не знаю только, в школе мистер Грин-тон или нет. Поищу его...

Кариль взялась правой рукой за ручку двери и слегка приоткрыла ее.

– До вечера, – улыбнувшись, промолвила она и, потянувшись к Мариусу, легко поцеловала его в губы. – Обязательно поговорю с этим мальчиком и сделаю все возможное, чтобы ваша встреча с ним состоялась как можно скорее.

Кариль снова улыбнулась. Мариус улыбнулся ей в ответ.

5

– Есть кто? – приоткрыв дверь и заглянув в кабинет, спросила Кариль. На секунду она замерла, прислушиваясь, но, так ничего и не услышав, раскрыла дверь шире и протиснулась в помещение.

Кабинет был пуст. Это было ясно уже даже по тому, что никто не отвечал. А если никто не отвечает – понятно, что никого нет. Мистер Гринтон не будет играть в молчанку – он все-таки не ребенок. Далеко не ребенок. Ему уже давным-давно за пятьдесят.

Почему вот только дверь открыта?

Да все по той же причине – мистеру Гринтону давно перевалило за полвека, так что нет ничего удивительного в том, что он забыл закрыть дверь. Старики склонны забывать всякие разности – имя внуков, свой адрес и прочую мелочевку. Вообще, в старости единственное, что нужно постоянно помнить, – это как дышать, как есть, как пить, как перемещаться в пространстве. Без первых трех умений ни один человек не выживет, а без последнего не сможет нормально передвигаться. Просто необходимо, чтобы каждый старикан знал, что тело должно быть точно перпендикулярно полу, но никак не параллельно.

«Вот, наверное, как умирают пенсионеры», – невольно подумала Кариль, прикрывая дверь тихо, словно боясь спугнуть кого-то. «Они просто однажды забывают, как надо наполнять кислородом легкие, и вместо воздуха в их организмы влетает смерть».

Чтобы удостовериться в том, что в кабинете действительно нет никого (а то мало ли – вдруг директора сковал приступ ничегонепонимания и он сидит теперь, боясь пошевелиться?), Кариль обвела взглядом прямоугольную комнату. Почему-то она хоть убей не хотела называть ее кабинетом, хотя в отличие от их с Мариусом спальни место работы Гринтона выглядело именно так, как и должно выглядеть нормальное рабочее место.

Сев на один из двух стульев около стола, Кариль, дабы убить время, принялась пристально всматриваться в окружающее ее пространство.

Дверь в кабинет была очень похожа на те, что обычно фигурируют в фильмах о школах – из темного дерева с врезанным дымчатым стеклом, на которое прикреплена табличка с ФИО директора и указанием, что это именно директор, а не завуч или уборщица.

По правую стену – от угла до угла – располагались книжные шкафы, сделанные из более светлого и более молодого дерева, на которых некоторое десятилетие стояли одни и те же фолианты. Некоторые томики Гринтон время от времени куда-то уносил (то ли домой, то ли на помойку, то ли еще куда), заменяя пробелы новыми, но в основном все оставалось как есть, нетронутым.

Посередине стоял легкий белого цвета стол, со стороны больше похожий на тумбу, за ним находилось черное кожаное кресло на колесиках, а перед ним – еще два стула, уже не таких шикарных: обычные деревянные стулья с зелеными подушками, наличие которых ничуть не смягчало жесткие сидения. За столом во всю ширь стены красовалось окно, из которого можно было видеть двор и детскую площадку.

Левая стена была сплошь завешана наградами, грамотами, снимками. В углу, ближе к окну – стеклянный шкафчик с кубками.

В общем и целом – обстановка очень даже, и темно-зеленый ковер с недлинным ворсом, расстеленный под ногами, как нельзя более подходил этому кабинету и всему его наполняющему.

Кариль даже почувствовала укол ревности: у нее-то в ее спальне куда как меньше шика, если он там вообще имеет место быть. Что на вряд ли. Мариус в отличие от своей девушки не стремился перекроить место сна в место для работы, и потому все усилия Кариль были напрасны – что бы она ни пыталась сделать, Мариус умел это слегка заметно подправить,

и нововведение уже ничем не отличалось от всей комнаты в целом и атмосферы гармонии, спокойствия и замедленного времени.

Девушка, конечно, понимала, чего пытается добиться ее сожитель, но она ничего не могла сделать: это было бы просто бессмысленно – пытаться как-то воздействовать на Мариуса. Это тебе не подкаблучник, из которого запросто можно слепить что душе угодно. Это Мариус. И все тут.

Послышался шорох со стороны двери, и Кариль, быстро мотнув головой из стороны в сторону и прогнав нахлынувшие мысли, посмотрела в сторону раздававшихся звуков.

Похоже было, что кто-то пытается войти, проворачивает ключ в двери и не понимает, почему это не работает. Услышав сдержанную ругань и бормотание, Кариль убедилась в этом предположении. Наконец человек по ту сторону решил попробовать толкнуть дверь просто так – авось, открыто. И действительно – открыто! Ну надо же!

– Ну надо же! – вслух сказал входящий в кабинет человек. По-видимому, он был бескрайне удивлен только что увиденным чудом. – Неужели я за...

Он уже закрыл дверь и, повернувшись лицом к столу, увидел поспешившую встать Кариль. Лицо его выражало смесь неожиданности и непонимания. Казалось, что еще чуть-чуть и у старичка возникнут на ее счет справедливые, с его точки зрения, подозрения насчет того, почему-таки дверь была открыта. Не дав мистеру Гринтону (а вошел именно он) времени на обдумывание узренного, Кариль, кивнув почтительно, решила поздороваться:

– Доброго вам утра, директор.

Директор. Странное какое-то обращение к человеку, привыкшего со всеми вести фамиллярные беседы с внедрением уменьшительно-ласкательных обращений. Директор тоже, очевидно, был удивлен. Уже второй раз за неполную минуту.

– Карилечка, – до ужаса исказив красивое имя девушки, медово-сладко, но с хрипотцой, свидетельствующей о почтительном возрасте, проговорил Гринтон, направляясь к своему креслу. Пройдя мимо Карилечки, старик легонько коснулся ее локтя своими теплыми сухими морщинистыми пальцами, отчего девушке стало еще более некомфортно в этом кабинете. Она всегда ощущала себя не в своей тарелке, когда приходила к боссу, а после его выходок – так вообще. – Отчего такой тон и такое странное обращение, душа моя родимая? – он разговаривал со своей подчиненной, как с внучкой. Добравшись до кресла и заняв в нем место, Гринтон серо-голубыми глазами посмотрел на Кариль.

Девушка чего-то ожидала, но ожидать было нечего. Мужчина не собирался ничего более говорить.

Потупив взгляд, сделав голос каким-то детски невинным, тем самым желая сыграть эдакую скромницу (что было трудной задачей из-за напавшего внезапно похмелья), Кариль собралась с мыслями и сделала пару шагов вперед, к столу начальника.

– Я вчера допоздна проверяла работы учеников... – не краснея, начала она врать. Ну нельзя же сказать, где она на самом деле весь вечер вчерашний прошлялась!

– Ты присядь, Кари... – попытался вставить свои пять копеек Гринтон. Его учтивость отзывалась в висках болью, заставляла сердце наливаться необъяснимым гневом.

Понимая, что в противном случае не избежать спора а-ля «присядь» – «не надо» – «нет, присядь» – «нет, спасибо» – «да ты сядь» и так далее, Кариль разумно решила проглотить вскипающее негодование и села на недавно оставленный стул. Жесткая подушка уже успела остыть, и это почему-то тоже бесило девушку.

– Так вот, – снова начала Кариль все тем же голосом, но в нем едва заметно скользнуло раздражение. – Я проверяла домашнее задание и наткнулась на листок с письмом...

– Письмом? – хлопнув глазами, словно филин, и нахмутив брови, переспросил старик.

– Письмом, – наверное, из этого слова можно было бы выжать минимум литр яда. – Вы знаете, я даю такие задания иногда: написать...

– Письмо, – глубокомысленно вставил Гринтон вновь. Кариль кипела.

– Да. Кому-нибудь из класса или одному из своих друзей. Я даю отрывок якобы полученной записки, а дети должны на него ответить. И вот, – девушка поерзала на деревяшках своими костями, успев пожалеть, что у нее не такой объемный зад, как у Лоэлиль из 5 «А», которая в свои достаточно юные годы по масштабу превышала норму раза в два. – И вот, я наткнулась на листок с письмом, в котором... эм... содержание которого взволновало меня и моего парня...

– Парня? – директор был на грани, и казалось, что скоро он полностью погрузится в про-страцию.

– Он работает психотерапевтом, – поспешила добавить Кариль, посмотрев Гринтону прямо в глаза, тем самым удерживая его от впадения в состояние «я ничего не понимаю, хватит меня мучить». – И его это тоже взволновало. Он заинтересовался учеником, написавшим это самое письмо, и попросил меня устроить им встречу.

Кариль сделала паузу, внимательно всматриваясь в лицо своего слушателя – по морщинкам гуляли тени мыслей и рассуждения, но ничего, что могло бы вызывать опасения помутнения рассудка, не наблюдалось, и поэтому она продолжила:

– Вот только на листке не указан номер класса, в котором учится мальчик. И...

– Мальчик?

– Написавший письмо. Да, мальчик. Оэджи.

– Оэджи?

Кариль решила промолчать, смиренно выжидая, когда же Гринтон совладает со своим серым веществом и утрясет слова внутри черепной коробки, изрядно сотрясенной уже за восемьдесят три-то года.

– И ты, душенька, хочешь узнать, кто этот мальчонка? – Кариль чуть ли не подпрыгнула от радости. Наконец-то этот старый черт начал соображать! Она-то уж и не надеялась...

Не в силах выговорить и слова, девушка только закивала головой.

– Что ж... – мистер Гринтон постучал подушечками пальцев по столу, какое-то время не сводя глаз с пространства перед собою, потом прекратил стучать, откатился чуть назад на кресле, и в столе с его стороны что-то скрипнуло. Увлеченно роясь в содержимом открытого ящичка, директор что-то неслышно бормотал себе под нос. Так как в кабинете стояла абсолютная тишина, для Кариль разобрать это бормотание не составило никакого труда – ее начальник шепотом проговаривал мелькающие перед его глазами имена детей. Очевидно, он просматривал список всех учащихся в школе.

Кариль не ожидала, что поиски могут занять больше двух минут, и удивилась тому, что только на исходе трехсот пятидесяти шестой секунды Гринтон наконец-то радостно воркотнул и, задвинув ящичек, посмотрел на свою гостью полными радости глазенками размером чуть больше перепелиных яиц. По крайней мере так казалось. Какой там у них на самом деле был размер, не знает никто.

– Оэджи Улло, ученик 8 класса «В», – довольным голосом произнес директор, сверкая голубизной глаз.

– Вы уверены, что именно... – начала было Кариль, но ее прервали:

– Абсолютно. Проверил трижды.

«Так вот почему так долго это все происходило», – подумала девушка.

– Никого больше с таким именем нет в нашей школе. Он такой единственный. Уникум, – старикашка хмыкнул.

Кариль, стараясь не пуститься в пляс от радости и сброшенной с плеч ноши обещания, кивнув, поднялась со стула. Незаметно пару раз напрягла и расслабила ягодичы, дабы стряхнуть с них онемение, неизбежного спутника жестких сидений, и прошла к двери.

– Спасибо вам большое, мистер Гринтон, – очаровательно улыбнувшись, поблагодарила девушка, выходя из кабинета. – Вы мне очень и очень помогли.

Директор расплылся в широчайшей улыбке, насквозь пропитанной неподдельным радужием.

– Не за что, девочка моя милая, – проговорил он скрипучим голосом, в котором четко слышалось мурчание кота, съевшего свежую жирную сметану. – Ты всегда можешь обращаться за помощью, Кариличка, доченька.

Стараясь не портить себе настроение выслушиванием этих раздражающих ласкательных обращений, девушка, еще раз от всего сердца поблагодарив Гринтона, спешно покинула красиво обставленную камеру пыток с солидным названием «кабинет директора».

Только услышав щелчок, с которым закрылась дверь, Кариль вздохнула спокойно и радостно.

6

К счастью или к сожалению (она так и не смогла понять, к чему именно), но у Кариль в этот день был урок у 8 «В» класса. По счету он был четвертым, то есть стоял примерно в середине дня, после него оставались еще девятые классы и один надомник, который своим домоседством выводил девушку из себя. «Почему бы не ходить в школу, как все?» – скрипя зубами, думала она каждый раз, когда уже собиралась уходить домой, но вспоминала про еще один час мучений. «К чему эти домашние посиделки? Зачем надо меня лишний раз напрягать? Все, будущие уроки его будут проходить вместе с 7 „А“, иначе я его рано или поздно придушу».

Утешив себя такими рассуждениями, Кариль, наконец-то услышав звонок с урока на большую перемену, в течение которой она планировала хорошенько пропитать кофе свой желудок, встала как-то слишком быстро и уже собралась вылететь в дверной проем, как ее остановил какой-то неуверенный голос с задних парт:

– А как же домашнее задание?

Кариль остановилась и вздохнула глубоко – иначе она бы налетела на спросившего, словно смерч, и раскидала бы его останки по всему классу.

Она обернулась лицом к нему. То же самое, надо сказать, сделали и его одноклассники. Судя по лицам, у всех них мелькнула одна и та же мысль: «вот тебе рот свой раскрывать надо? Ты без домашнего задания жить не можешь, чокнутый ты умник?», а у Кариль, ко всему прочему, в голове еще и дополнение этим вопросам прозвучало: «была бы моя воля, ударила бы прямо сейчас».

Руки у нее действительно чесались. Очень сильно хотелось двинуть парнишке прямо в челюсть, чтобы больше она не выполняла назначенные функции и потому ее обладатель не смог бы разговаривать.

– Да, – стараясь ничем не выдать своей злобы на этого ученика, но буквально буравя его взглядом, произнесла Кариль и чуть-чуть повернулась к детям, хотя ее манила распахнутая дверь и суетня за нею. – Прочитайте параграф по этой теме и сделайте задания. Я думала, все и так понятно, поэтому и не сказала ничего, – словно само собой разумеющееся, добавила она. – Вы же дети неглупые, – девушка изобразила что-то наподобие улыбки.

– Неглупые, – вполголоса ответил кто-то с другого конца класса. – Однако, видимо, не все.

Пронесся смех. Веселый смех, таящий в себе нелюбовь к лезущему во все и вся однокласснику. Его звали Динки Дунс, и само его имя уже служило поводом для издевательств. Таких имен поискать – не найдешь, а тут... «Наверное, даже родители его не особенно-то жалуют», – подумалось Кариль, пока она спешила скрыться под защитой раскатов смешков и хихиканья.

Странно, но девушка не чувствовала никакого сострадания к этому Динки. Ей казалось, что это само собой разумеющееся обстоятельство, что он вынужден сносить насмешки и унижения. Мало того, что имя тому потворствует, так еще и его внешность: слишком длинный и худой для своего роста, кривые зубы (не вкривь и вкось разбросанные по ротовой полости, конечно, но все-таки) с желтой эмалью, одежда, которая всегда висела на нем, потому что ему не хватало массы, чтобы заполнить пустое пространство. А его характер!

Однако поведение Динки было совершенно понятным – бедному ребенку просто-напросто хотелось влиться в коллектив, с кем-то подружиться, не выделяться. Глупо, конечно, пытаться стать «таким, как все», постоянно спрашивая домашнее задание, зубря уроки, то есть, в общем-то, делая все то, что не делает ни один обычный ученик. Выбрав неправильный способ, юнец был обречен на насмехательство и одиночество до выпуска. Было много вариантов, которые вполне могли бы исправить ситуацию (пара-тройка даже Кариль на ум пришла

тут же). Только вот все дело было в том только, что Динки либо не видел их, либо не соглашался с ними. Так или иначе, ничего не менялось.

Вообще, учителям такое поведение даже нравилось – всегда льстит, когда человек хочет развиваться и расти, учиться и расцветать. Но этот прием работал только на педагогах, так сказать, консервативных – тех, которые придерживались убеждения, что каждый должен получить образование, а в школу надо ходить единственно за знаниями, но никак не для веселья или чего-то подобного.

Кариль же (наверное, по причине своей молодости) была не согласна с вышеназванным. Относясь к другому поколению, родившись минимум на двадцать лет позже каждого, кто в ее школе преподавал, она считала, что школа – это не что иное, как одиннадцать впустую растрачиваемых лет, а нужна она для того лишь, чтобы занять неразумных в этом периоде детей чем-то более-менее полезным. В принципе, с таким же успехом можно было отправлять их в поле на работу, как то делали в стародавние времена.

Мог бы встать логичный вопрос – почему тогда, считая школу, по сути, ничем, Кариль пошла работать именно учителем? На свете есть множество различных профессий, так почему же она выбрала именно эту?

Возможно, все дело в ее характере – она решила доказать всем и вся (прежде всего, конечно, себе), что, начав с самого низа, в конечном счете достигнет вершин. Так что не последнюю роль тут сыграл тот факт, что она, собственно, все одиннадцать лет толком ничему и не училась: она не желала загружать свой мозг радианами, логарифмами, историческими подробностями... На то у нее были свои причины. Достаточно сказать, что она считала все это бесполезным. «Углубленная математика мне ни к чему, а история – это спорный вопрос. Кто может сказать, что было на самом деле, а чего никогда не существовало? Разве можно быть уверенным, что что-то вообще... есть?» – вот такие мысли крутились в голове у бедной девочки чуть ли не с двенадцати лет. С ними можно было бы напрямую на философский факультет идти, но Кариль решила, что выслушивать чужое мнение – это так же бесполезно, как и высчитывать до умопомрачительной точности значение числа Π .

После выпуска из школы перед нею встал вопрос – куда идти, что делать вообще? Просмотрев список университетов, а также перечень предметов, необходимых для поступления на тот или иной факультет, девушка выбрала педфак. Из двух зол, что называется. Да и вообще – ей как-то не очень хотелось нагружать себя дальнейшей учебой, а вот учить кого-то еще ей было под стать.

Кариль уже давно вошла в учительскую и рефлексивно поздоровалась со всеми, успев даже чисто механически поинтересоваться здоровьем каждого. Кто-то, вроде бы, даже пустился в пространные объяснения своего самочувствия – на краю Карилиного сознания мелькали «ноет что-то в боку», «ломит», «отнимается», «старость идет, на пенсию пора» и прочее. Скорее всего, это подвывал преклонного возраста учитель информатики – он уже года четыре жалуется на поясницу, на почки, на весь свой организм, вещает, что пора бы на заслуженный отдых, но все сидит и ноет. «Не на отдых тебе пора, нытик», – озлобленно подумала Кариль. «А в могилу давно».

Ее саму передернуло. Господи, да что за мысли-то? Никогда раньше ей в голову ничего такого не приходило. Кариль любила людей, относилась к старичкам с почтением, помогала сиротам и обездоленным... А тут.

«Либо это недосып сказывается», – подумала девушка, садясь подальше от всех и начиная пить кофе, даже несмотря на то, что он был дьявольски горяч. «Либо это то, пропитанное гневом и отвращением, письмо Оэджи».

Первая догадка была тут же отброшена – не в первый же раз Кариль не высыпалась. Вряд ли это такая акция у сновидений и яви: на пятидесятый недосып дарим раздражение и ненависть! Спешите!

Так, стоп.

Кариль мотнула головой из стороны в сторону. Сейчас не время отвлекаться и загружать и так нагруженный мозг всякими суждениями-рассуждениями. Делу время, как говорится. А сейчас настал долгожданный час потехи. Ну или, точнее сказать, простого отдыха. Этой возможностью стоило насладиться: следующая большая перемена будет только через два урока. Два урока. Каждый по сорок пять минут. Плюс десятиминутная перемена. Итого ждать отдыха придется еще сорок пять на два плюс десять, то есть – полтора часа с хвостом.

Не в силах сдержаться, Кариль вздохнула.

– Что с тобой? – услышала она тут же голос одного из учителей за столом. Обернувшись, она увидела, что спрашивающим был Пьен Бу, учитель младших классов. В нем было что-то завораживающее: то ли его располагающая к себе внешность, то ли чуткость и доброжелательность, готовность всегда и во всем помочь, то ли его мягкий, спокойный голос.

В свои сорок три Пьен оставался, что называется, огурчиком: он занимался спортом, правильно питался и черпал энергию из любви к окружающему его миру и людям, в нем живущим. И хотя это прозвище так и просилось на язык, Кариль не позволяла себе подобной фамильярности в его отношении. Не из-за того, что этот человек был старше нее, но просто из-за глубочайшего уважения к его персоне. Просто из-за того, что он умел своим голосом творить чудеса и будто лечить им.

Вот и сейчас, посмотрев в сторону Пьена, Кариль на какой-то момент перестала чувствовать раздражение и желание то ли поспать уйти, то ли убить всех к чертям собачьим. Его чистые серые глаза, бесспорно являющиеся зеркалом столь же чистой души за ними, отчищали также и душу любого, кто в них посмотрит.

– Ничего, – тихо ответила Кариль, чуть улыбнувшись. Такому человеку, как Пьен Бу, не улыбнуться было нельзя. – Просто не выспалась сегодня, голова болит... Все понемножку, – она пожала плечами. Улыбка не сходила с ее губ.

Пьен протянул свою руку и дотронулся до пальцев Кариль, поделив с ней свою теплоту и показав этим движением свое участие. Пока остальные обсуждали, что может означать резь в боку и не значит ли это, что в почках камни образовались, Кариль с Пьеном спокойно беседовали, никем не замечаемые.

– Вижу, тебя не только это заботит.

– Вы правы, как и всегда, – Кариль ухмыльнулась краешком рта и посмотрела на свои руки. «Многих он этими прикосновениями развел на?...» – начала было думать она, но вовремя тряхнула головой, отгоняя странные мысли.

Да что с ней? Что сегодня происходит? Точно влияние этого гадкого (безусловно гадкого, иначе и быть не может!) Оэджи. Все из-за его письма. Как плесень, его неприязнь к жизни, явно чувствующаяся даже через исписанный листок бумаги, разрастается все больше, охватывая области вокруг эпицентра заражения. Гадость! Фу.

Будучи все-таки не в силах до конца справиться с меняющимся настроением и то и дело возникающими в голове чуждыми ей мыслями, Кариль выдернула пальцы из руки Пьена и взялась за кружку. «Может быть, он сочтет это не таким уж грубым жестом, если увидит, что я сделала это для того, чтобы взять кофе», – наивно подумала она.

В глазах мужчины отразилось удивление, но в скорости оно уже исчезло. Скрестив пальцы рук между собой и слегка подавшись вперед, он тихо попросил:

– Ты можешь сказать мне все. Я же вижу, что что-то не так.

Этим тоном наверняка змей соблазнял Еву в Эдемском саду. «Каков искуститель! Вы только гляньте на него: весь из себя такой ласковый и нежный», – снова подумала Кариль и даже покраснела. Что за глупости! Пьен Бу – порядочный человек, и не в его характере заигрывать с молоденькими (не такими уж и молоденькими: ей же двадцать восемь скоро) девчонками. Но что-то навязчиво билось под корочкой мозга – идефиксом засело внутри и не желало

покидать свое новое место обитания. Что это? Понятно уже, что вызвано это Нечто черной энергетикой мерзостного Оэджи, но... как бы это назвать?

– Я... – желая отвлечься от непрошенных рассуждений, решила на повествование Кариль. Взгляд ее до сих пор был опущен на чашку с кофе. Она думала, что, посмотрев на своего верного друга (как то казалось до сего дня), вновь будет думать о всяких довольно неприличных вещах. – Просто проверяла вчера домашние работы – письма учеников. Ну вы знаете, быть может.

– Конечно.

– И наткнулась на одно такое, что вызвало у меня какие-то... – Кариль причмокнула, пытаясь подобрать верное слово. – Неприятные ощущения. У моего парня... – на секунду она смешалась, но потом прибавила, стрельнув глазами в Пьена: – он психотерапевт. Вот у него пробудился интерес к написавшему эту работу. Он сказал, что чувствует в этом чертовом листочке какую-то очень сильную энергетику. Он захотел встретиться с Оэджи (мальчиком, который «пропитал сильной энергетикой» свою домашнюю работу). Эм...

Она замолчала, потерявшись. Вот она высказалась. И что дальше? Ее спросили, что с ней не так. А она пустилась в пространные объяснения какой-то нелепицы, притом даже сама не поняла – что тут, собственно, не так? Было бы, о чем печься так долго – а то ведь это просто письмо, написанное учеником 8 класса!

Кариль хохотнула, не сдержавшись. Осознав, как глупо это в данной ситуации, она поспешила заполнить свой рот кофе.

– Не понимаю, что вы так беспокоитесь, – подала голос опирающаяся на подоконник и смотрящая в окно, учительница истории. Очевидно, ей уже наскучило объяснять своему престарелому коллеге, что с ним все в порядке, а головная боль – это еще не признак наведенной порчи.

«Интересно, с какого момента она стала слушать наш разговор?» – подумала Кариль. «Да и с чего бы этой мымре...»

Она снова встряхнула головой и сжала глаза, наверное, желая тем самым сжать и мозг, лишить его возможности думать.

Мымра же была не такой уж и мымрой: снять немного спеси – и получится женщина что надо.

В ее очках отражалось сероватое небо за окном; волосы, давно потерявшие свой естественный блеск, впитывали свет горячей в учительской люстры. Руки, настолько тонкие, что можно было без усилий увидеть рисунок вен под бледной кожей, были оголены до локтя. Столь же тонкие ноги обтянуты черными колготками, на бедрах – юбка до колен. Образ весьма серьезной тридцатишестилетней женщины, желающей во что бы то ни стало казаться моложе лет так на двенадцать.

– Простое письмо, – пояснила она, пожав плечами и на мгновение отвернувшись от окна, чтобы смерить заклеившую ее «мымрой» девушку взглядом полнейшей незаинтересованности. Сама того не подозревая, она высказывала мысли, пришедшие на ум самой Кариль. – Было бы, о чем волноваться...

– По-моему, – вставил свои пять копеек информатик, рыскающий глазенками по всему пространству кабинета в поисках чьих-нибудь глаз. – Здесь как раз-таки есть, над чем призадуматься.

Он многозначно посмотрел на стоящую около окна коллегу, но та даже не шелохнулась, всем своим видом говоря, что ей все равно. Поняв это, перевел взгляд на Кариль и Пьена, сидящих напротив. Пьен смотрел в его сторону не то сочувственно, не то внимательно.

– А вы что думаете? – поинтересовался старый информатик, которому явно не хватало внимания.

– Думаю, что, раз психотерапевт распознал в написанном письме нечто серьезное, то значит, так оно и есть, – Бу посмотрел на Кариль, продолжающую хлюпать напитком в своей кружке.

Ощувив, что на нее смотрят, она, однако, не удосужилась оторваться от своего занятия, в который раз раздражившись как ноющим старцем на другом конце стола, так и апатичной мадам около окна.

– А можешь показать это письмо? – своим резким, хриплым голосом спросил у девушки информатик.

Кариль дернулась, явно не ожидая такой просьбы. Ее поднятое лицо выражало смесь удивления и негодования. Словно ее попросили не домашнюю работу показать, а свое нижнее белье.

Какое-то время пребывая в прострации, она перевела взор на сидящего рядом Пьена и только после этого нашла в себе силы на ответ.

– В принципе... – начала она было, но тут ее прервал звонок, одновременно возмущивший и обрадовавший. Отвратительно, что перемена, а то есть – отдых, так быстро прервалась, но все-таки хорошо, что не пришлось делиться работой Оэджи. Она не могла бы ответить, почему, но что-то в ней яростно бунтовало, протестовало, не желало и думать о подобном.

Как можно старательнее скрыв за опечаленной миной улыбку облегчения, Кариль залпом допила кофе и встала из-за стола.

– Увы, – пояснила она, следя, чтобы голос не сорвался на радостях. – У меня сейчас урок, так что... – не закончив фразу, она еще раз посмотрела на не сдвинувшихся со своих мест учителей и направилась к двери, ощущая приближение свободы с каждым сделанным шагом.

– Удачного урока, – услышала она уже на пороге голос Пьена. Даже не поворачиваясь к нему, девушка чувствовала, что он смотрит в ее сторону. – Если захочешь поделиться чем-то – я всегда рад.

«Он повторяет эту фразу постоянно, – со злобой подумала Кариль. – Неужели ему настолько скучно жить своей собственной жизнью, что он то и дело норовит влезть в чужую?»

В глубине души она понимала, что это очередное суждение не имеет под собой основания, однако – что поделать – оно вспыхнуло салютом внутри сознания, на какой-то момент затмив все разумные доводы супротив.

Повернув голову вправо – так, чтобы увидеть лишь косяк двери, но не своих коллег – Кариль как можно более дружелюбно выдавила:

– Непременно, Пьен, – и вышла.

Закрыв глаза, по пути к классу, в котором она должна была проводить урок, Кариль проклинала учительскую, всех учителей и всю школу в общем.

«Гаденыш Оэджи», – думалось ей в который раз. «Что ж ты своим отвращением к жизни пропитываешь ни в чем не повинных людей? Я, черт бы тебя подрал, никогда не думала о людях, меня окружающих, в таком ключе, в котором ты меня толкаешь думать. Зараза!»

Даже не видя субъекта, по причине которого испортилось ее настроение (хотя Кариль думала, что испортили ей не только его, но еще и жизнь дальнейшую), молодая, двадцатисемилетняя учительница языка и литературы с некоторым упоением ощущала, как ненависть к нему начинает пропитывать все ее существо. И, полнясь этим черным чувством, она шла на урок.

На четвертый урок.

В класс Оэджи.

7

«А они там так и сидят в учительской», – делая последние шаги по направлению к классу, думала Кариль. «У них у всех в день минимум одно окно, а у меня – ноль! Кто бы мог сомневаться? Но вот только почему всегда именно меня мелкие радости (уж не говорю о больших) обходят стороной?»

Уже стоя перед дверью, девушка додумывала последние свои мысли и старалась выгнать недовольство и раздражение прочь из своей души. А это было трудно, ведь источник этих эмоций находится именно там – за прямоугольным кусочком древесины. Открой дверь, сделай шаг – и дай ненависти поглотить тебя, словно пламени.

Да что за черт?

Нет, ну как может маленький мальчик (вряд ли Оэджи годами остается в 8 «В» классе) стать причиной всего этого? Нет, тут явно должна быть ошибка. Ну если уж не ошибка, то хоть какое-то мало-мальски разумное объяснение.

Ей вдруг пришло на ум, что она толком и не знает, у кого вообще преподает. То есть, любой учитель через какое-то время понемногу запоминает своих учеников – но не Кариль. В чем дело? А в том, что ей на них как-то не то чтобы все равно, но... нет, именно все равно. Детей заставляют ходить в школу их родители, потому что «без образования ты никто», а учителей заставляют преподавать... обыкновенная нужда в деньгах. «Деньги – это то, что толкает нас заниматься вещами, которые нам противны», – подумала Кариль и, скорее из-за недосыпа, посчитала эту мысль очень заумной.

Так, все. Хватит. У тебя урок.

Девушка повернула ручку и рывком открыла дверь.

В кабинете было шумно – все, как и всегда в отсутствии взрослых, шушукались, смеялись и резвились. Стоило только учителю показаться в дверном проеме, как в ту же секунду ребята спешно завозились, разбегаясь по своим местам и замолкая.

– Тааак, – протянула Кариль, закрывая за собой дверь и быстрыми шагами направляясь к столу. Пока она продвигалась к своему креслу, она подбирала более-менее правдоподобные отговорки на всякий случай.

Положив сумку на край стола и сведя руки за спиной, Кариль обвела класс взглядом и произнесла с обычной, присущей каждому учителю интонацией:

– Здравствуйте, – пауза. Беглый осмотр справа налево ничего не дал, но вглядываться не было времени. – Садитесь.

Двадцать человек шумно сели на свои места, не обмолвившись друг с другом ни единым словом. По какой-то странной причине они все считали Кариль образцовым преподавателем, а потому всегда и во всем ее слушались.

Девушка тоже села. На столе стоял компьютер старенькой модели – просто для того, чтобы показать, что он есть; лежали стопками учебники и тетради. Последние напомнили ей, что домашнее задание у 8 «В», как и у остальных классов, она проверить не удосужилась.

Взяв учебник по языку, Кариль открыла его на странице, заложенной закладкой, прокомментировав свои действия классу:

– Откройте учебник на странице, – учебник открывался.

«Листы похожи на барабанные палочки», – без всякого смысла подумала учительница. «Поддерживают интригу».

– Пятьдесят восемь.

Зашелестели страницы. Дети полезли отыскивать названные цифры среди двухсот четырех.

Воспользовавшись паузой, Кариль снова подняла глаза. Начав осмотр с первой парты около стены, она успела взглядеться в лица лишь пятерым ученикам, когда заметила, что все уже отыскивали нужный раздел в книге.

– Эм... так... – немного растерявшись, она уже в следующее мгновение не дрогнувшим голосом дала своим подопечным задание – сделать упражнения номер такое-то и такое-то – и, поставив локти на стол и переплетя пальцы рук, скосилась на нижний правый уголок на экране компьютера. Нужно было понять, сколько еще терпеть этот класс, сколько еще осталось до перемены...

Цифровые часы показывали 11:37. Значит, с того момента, как прозвенел звонок, прошло двенадцать минут. Получается, до звонка терпеть еще полчаса с немногим.

Кариль непроизвольно округлила глаза и поджала губы, глубже, чем обычно, вздохнув. «Надо хотя бы правильно использовать это время», – подумала учительница, в который раз всматриваясь в детские лица.

«Понарожали», – вновь озлобившись, думала Кариль, обводя внимательным взглядом склоненные к учебникам головы своих учеников. «Какое удовольствие девять месяцев страдать, а потом... страдать еще восемнадцать лет?»

Опять это! Опять не те мысли!

Вообще, Кариль хотела бы завести собственного ребенка. Ей было приятно думать о том, что она оставит после себя нечто. Да и не только поэтому: проходя мимо женщин с колясками, она чувствовала, что завидует им. А также – молодым мамам, отцам и дедушкам, бабушкам, гуляющим со своими детьми и внуками, соответственно. Часто она лежала на кровати и думала о том, что однажды все изменится – она родит ребенка, и это станет началом чего-то нового в их с Мариусом жизни. О том, что отцом может быть кто-то другой, Кариль не допускала и мысли. У редких людей связь крепче, чем у них. Такие отношения не сыщешь и днем с огнем.

Но вот сейчас...

Несмотря на то что ей хотелось собственного ребенка, несмотря на то что она в какой-то мере любила детей, сейчас все это непостижимым образом превращалось в лютую нелюбовь ко всем этим шумящим и галдящим мешкам с эмоциями и соплями. Фу! Как только можно допустить, чтобы что-то настолько отвратительное вылезло из тебя самой, унаследовав при этом либо твой нос, либо твои глаза, либо еще что?

Отвратительно! Мерзостно! Гадко!

Думая в этом направлении, Кариль даже и не заметила, как перестала крутить головой и уже некоторое время продолжала смотреть на темя одного из учеников. Поняв всю странность ситуации и то, как неправильно это выглядит для кого угодно, девушка замотала головой и положила руки на стол, поспешно посмотрев по сторонам. Аллилуйя! Никто не видел, что она пялилась на мальчика, как удав на мышь.

Часы показывали 11:45. Долго же она изучала волосы восьмиклассника!

Неожиданно на глаза попался классный журнал. Протянув к нему руку и пододвинув его к себе, Кариль открыла его на странице своего предмета.

– Так, – подала она голос, одновременно бегая глазами по списку и ища ручку. – Отмечаю я отсутствующих.

Ага, вот и тот, кто ей нужен! Стоит чуть ниже середины списка. До него очередь еще дойдет.

Называя имена, Кариль быстрыми движениями ставила в квадратике ученика либо «н», либо точку. С каждым отмеченным человеком сердце у нее в груди билось все быстрее. «Чего это ты?» – взволнованно подумала она. «Неужели из-за мальчонки?»

Ответ был очевиден. Да, из-за него. Чем ниже по списку спускалась Кариль, тем громче билась кровь в венках на висках, тем болезненнее зудели жилы. «Я будто наркотик принимаю, а не отмечаю отсутствующих», – старалась она превратить непонятный факт в шутку.

Наконец палец уткнулся во врезавшееся в память имя.

– Оэджи Улло! – голос предательски дрогнул. Кариль вскинула глаза, надеясь, что никто более этого не заметил, и желая наконец-таки увидеть, кто такой этот мальчишка.

К счастью, никто действительно не услышал сомнительных ноток в голосе своего мэтра, и Кариль могла спокойно вздохнуть. Но где же Оэджи?

На прозвучавшее имя вверх невысоко поднялась рука. Вскинувший ее ученик, однако, никак более не отреагировал. Казалось, ему было жутко важно как можно скорее и как можно качественнее выполнить полученное задание. Насчет качества, конечно, ничего нельзя было сказать наверняка, но тот факт, что мальчик не оторвал взгляда от текста ни на долю секунды, вполне ясно давал понять – Оэджи занят, ему недосуг отвлекаться на всякие посторонние вещи и на всяких посторонних людей.

Кариль не удалось увидеть интересующего ее лица, но потребовать, чтобы Улло показал себя, она не могла. Во-первых, это было бы как минимум странно. Во-вторых, пульс и так был учащенным. В-третьих... признаться честно, девушка несколько побаивалась того, что могло ей открыться. В иные моменты ей приходило на ум, что ничего, кроме голого черепа, ей не представится. Это было глупо – ведь волосы не могут расти просто на кости. То есть кожа точно имеется. К тому же, вскинутая вверх рука была приятно-бежевого цвета, что несомненно говорило: «вот она – кожа!»

Оторвавшись наконец от налетевших на нее мыслей, Кариль продолжила переключку, уже не поднимая глаз, потому что вполне могла по шороху и «тут» определить наличие ученика в классе.

Часы показывали 11:52, когда отмечать стало уже некого и девушка закрыла журнал, откинувшись на стул.

Как-то само собой получилось, что ее глаза снова посмотрели в сторону Оэджи, который все так же усердно выполнял упражнения из книги, положенной на стол перед ним.

Мальчик как мальчик – ничего особенного. Такое создавалось впечатление на первый взгляд. Конечно, немного странно, что он, словно зачарованный, смотрит и смотрит в одну точку, но, с другой стороны, разве можно понять, о чем думают дети? Вот и сейчас то же.

– Коссива-лит? – послышался вдруг тихий голосок. Учительница повернулась в сторону звука.

Позвавшим ее был ученик, сидящий за второй партой в среднем ряду, – щупленький мальчишка. Вспомнилось, что он очень неуверенный, а потому и говорит всегда тихо. Даже руку поднимает, чуть ли не извиняясь за это. Обычный, в общем-то, человек.

– Да? – Кариль вернулась в реальность, в которой, как оказалось, все уже закончили делать порученное им задание. – Ах, да, – она мельком посмотрела на Оэджи. Тот все так же что-то писал в своей тетрадке, не смотря по сторонам. – Что ж, – глаза скользнули по голубому экрану. 12:03. – Давайте теперь проверим упражнения... Все сделали их?

И Кариль снова покосилась на интересующую ее персону. Дети хором произнесли: «да». В их числе был и объект учительского внимания.

Когда девушка спросила, кто хочет отвечать, руки тянули многие. Вызвав первого попавшегося, она перестала вникать в происходящее и только изредка чисто рефлекторно поправляла и корректировала то или иное словцо, хотя все ее мысли были снова полностью сконцентрированы лишь на Оэджи Улло. А мальчик все так же сидел, склонив голову и не реагируя на внешние раздражители. Ни он не обращал внимания на окружающий его мир, ни окружающий мир – на него.

Взаимная незаинтересованность. Игнорирование существования друг друга. Нежелание признать реальность другого.

В отличие от предыдущего урока, на этом Кариль уже точно знала, что она задаст. Это решение пришло в голову как-то само собой, по наитию. Можно сказать, оно было навеяно атмосферой всего происходящего.

Письмо.

Да, она снова задаст им написать письмо. И пускай она не проверила их прошлые домашние работы. Пускай она совершенно неоригинально повторяет то, что уже давала. Она учитель! Она имеет право делать что угодно, пока это не переходит определенные границы.

А повторение задания – это не переход границ. Никак нет, сэр.

Тем более, что и текст в этот раз другим будет.

Снова сделав замечание отвечающему, Кариль протянула правую руку к среднему ящичку стола и открыла его. Не отрывая глаз от макушки Оэджи, она пошарила рукой в кучке бумажек внутри пространства с деревянными сторонами и, выудив какой-то листок, закрыла ящик.

Так, что тут у нас? Ага, один из текстов, ответ на который надо будет написать в виде письма, адресованного кому-то из друзей.

«Или мистеру Шляпе», – проскользнуло в Карилином мозгу.

...В моей стране молодые люди хотят стать независимыми от своих родителей как можно скорее. Можешь сказать мне, что ты и твои друзья думаете об этом? Готов ли ты оставить семью, после того как закончишь школу? Легко ли студентам снять комнату или квартиру в твоей стране?

Кстати, не так давно я вернулся из...

Интересно, что в ответ на это напишет полный раздражения двенадцати-тринадцатилетний мальчик?

Кариль уже приготовилась увидеть пестрящие ненавистью и желчью строчки закругленного и в то же время заостренного почерка. «Специфическое написание», – снова проскользнуло в голове. «Двойное ощущение поселяется внутри после прочтения, словно...»

Но мысль на середине прервал звенящий звонок.

«Так скоро?...» – сейчас девушке почему-то не хотелось слушать этот всегда приятный звон, предвестник перемены. Она не успела додумать, как казалось, важную мысль, и теперь та была уже далеко-далеко. Кариль напрочь забыла, что такое влетело ей в голову несколько мгновений назад.

Так обычно бывает со сном. Вроде бы, миг назад ты все помнил отчетливо и ясно, но вот теперь уже не можешь сказать, о чем вообще было видение. И чувство это отвратительное. Когда не можешь что-то вспомнить – это злит.

Особенно когда весь пропитан чьим-то чужим раздражением и с самого утра тебя все во всех бесит.

– Так, – повысив голос, чтобы ее точно услышали все присутствующие, обратилась к классу Кариль. Однако в этой уловке не было никакой необходимости – в классе царила превосходная тишина – хоть ножом, словно масло, режь ее. Девушка встала из-за стола и, бегло прочитав наискосок только что уже прочитанное задание, показала его детям и продолжила, объясняя: – это ваше домашнее задание. Все вы уже знаете, как его выполнять, так что объяснять нет смысла, я полагаю. Подойдите ко мне и перепишите его или сфотографируйте, а завтра я жду ваши работы. Соберите их на моем столе перед уроком. Все, вы свободны.

Сделавши вперед шаг, Кариль положила вышеупомянутое задание на первую парту среднего ряда и, найдя глазами Оэджи, встала, скрестив руки на груди, на прежнее место.

– Коссива-лит, – снова донеслось до ее ушей откуда-то сбоку. Так как она уже все разъяснила и всех отпустила, внезапно прозвучавшее имя, сказанное, как и положено, с упоминанием должности, основательно встряхнуло наблюдающую за Улло девушку.

– А? О... М! – вздыхала она, от испуга будучи не в силах произнести хоть слово.

– Я хотел уточнить количество слов, – продолжал ученик, явно не увидевший, как он напугал своего преподавателя. – Столько же? 200—250?

– Да, – с трудом выдохнула учительница, стараясь скрыть кипевший в душе гнев. Такое обычно случается – внутри неосознанно просыпается лютая ненависть к тому, кто тебя нечаянно напугал. Забавно, что она обратно пропорциональна опасности, которую на самом деле может представлять искомый субъект.

Однако, сумев-таки подавить в себе жуткое желание броситься на беззащитного (и на самом-то деле ни в чем невиновного) ребенка, Кариль отвела пронзающий насквозь взгляд и попыталась снова направить его на Оэджи. Но – безрезультатно: того уже и след простыл.

– Зараза! – в полголоса выпалила она, хлопнув ладонью по краю стола и в следующую секунду изучая болящую руку.

Дети уже успели покинуть кабинет. Хорошо, что никто не слышал, как она ругнулась, а то мало ли, что бы они раздули из этого. Конечно, эти сопляки могут вести себя тише воды ниже травы, но это еще не значит, что они на самом деле белые и пушистые. Нет! Будь готов все и вся подвергать сомнению – в таком случае ты никогда не попадешь впросак. Запомни: на ошибках учатся, но на обойденных ошибках учиться многим легче.

«Если видишь тихого человека, готовься к тому, что в нем сидит черт», – вспомнились вдруг Кариль слова ее матери. «Ты всегда знала нас как облупленных».

Не успела еще она определить, кого это «нас» ее мать знала как облупленных, как кто-то снова решил протестировать нервную систему, уже двадцать семь лет служащую своей хозяйке верой и правдой, внезапно произнесенными словами:

– И вы думаете, что я не видел?

Кариль не то что подскочила на месте, но дернулась она основательно.

Да уж, вопросик! Что за вопросик!

Успевший уже пройти первую стадию кипячения в крови, Карилин гнев начал понемногу выходить изнутри во внешний мир. Еще не поднимая глаз, девушка ядовито поинтересовалась у кого бы то ни было перед нею:

– И что я думаю, что ты не видел?

Она не разыгрывала дурочку – скорее пыталась посредством изощренной издевки донести до ребенка (никем другим напугавший ее человек быть не мог) всю нелепость задаваемого подобным образом вопроса.

– Не прикидывайтесь, – отрезал голос. В нем чувствовалось то же самое раздражение, которое вложила Кариль в свой для придания своей фразе большего пафоса. Однако в этом тоне... В этом тоне не чувствовалось никакой силы – в том плане, что все было сказано так просто, словно ненависть и злоба были неотъемлемой частью существа, его имеющего.

Кариль подняла наконец взгляд. Как тут не поинтересоваться своим собеседником, когда слышишь подобные слова с подобным выражением?

– Ты? – чуть ли не задохнулась от неожиданности девушка.

Перед ней стоял не кто иной, как Оэджи собственной персоной. Опершись о стол и скрестив руки на груди (буквально скопировав позу, которую принимала сама Кариль до того, как присесть), он внимательно смотрел на свою учительницу.

Хватило и нескольких секунд, чтобы осмотреть его. Это был довольно высокий для своего роста парень. Его волосы, что странно и неожиданно, были ярко-рыжими, а по телу причудливо рассыпались веснушки, словно кто-то сдул цветочную пыльцу на мальчика. Его одежда была простой, но опрятной – он стоял в зауженных джинсах и футболке, в чистых (что редкость в школе) кедах с заправленными внутрь шнурками. Оэджи даже пах приятно. В общем и целом, его внешность создавала странный контраст с его душой – казалось, что это инь и ян, что дополняют друг друга, хотя ничего общего и не имеют.

Но как в инь есть немного ян и как в ян есть немного инь, так и в облике этого ученика было что-то, что создавало словно бы мост между оболочкой и внутренним миром. Этим мостом были глаза.

С первого взгляда могло бы показаться, что это ничем не примечательные глаза темно-карего цвета, однако при ближайшем рассмотрении становилось возможным увидеть большее. А именно – что цвет их абсолютно невозможен. Цвет глаз Оэджи был черным.

«Глаза – отражение души», – мелькнула мысль у Кариль. «Вот тебе и душонка».

Улло стоял и больше не говорил ни слова. Он продолжал просто смотреть на учительницу, ожидая от нее объяснений своему поведению.

– Послушай, – начала та, вставая из-за стола. Она делала это не чтобы подойти к мальчику, а наоборот – отойти чуть дальше. Все из-за глаз. – Просто я...

Она подумала, стоит ли раскрывать так сразу все карты и говорить ему о том, какой эффект произвела на нее и Мариуса его домашняя работа, как им заинтересовался ее парень-психотерапевт... Подумала – и решила, что нет.

– Просто я увидела, что ты в течение урока не поднимаешь глаз, – пришло ей на ум. Кариль даже решилась мельком перехватить взгляд Оэджи, который так и впивался в нее. – Остальные то и дело смотрели по сторонам, а ты...

Поняв, что не может придумать ничего лучше, девушка окончательно потерялась. Лишь посмотрев в черные колодца тринадцатилетнего парня, она теряла волю и силу что-либо говорить, о чем-то думать. Все тело пронзала дрожь, какой-то инстинктивный страх перед... чем-то. «Но чего я боюсь?» – думала Кариль в отчаянии.

И не могла ответить.

– Я понял, – прервав ставшее тягостным и вселяющим неприятное ощущение молчание, мальчик оттолкнулся от парты.

Кариль посмотрела на него снова. Поверил? Оставалось лишь надеяться. И почему только ей пришло вдруг в голову смолчать о том, что на самом деле имеет место быть? Что она пытается обнаружить, действуя подобным образом? Какую игру она затеяла? И как она скажет Мариусу о том, что решила нарушить свое обещание?

Уже около двери Оэджи остановился и бросил взгляд на Кариль. Та поспешно потупила свой.

– Предчувствиям надо верить, – неопределенно сказал он. – Я не просто смотрю. Я вижу. И он вышел из класса, не дав Карили времени на подготовку ответа.

Да она и не думала отвечать. На подобную фразу ответить вообще нельзя. Что угодно скажи – все будет глупо звучать. Нет выхода. Остается только думать над услышанным.

По телу пробежали мурашки. Из-за произнесенных слов, от которых веяло холодом, или из-за Оэджи Улло, от которого веяло отвращением и раздражением?

«Что бы это все могло значить?» – спросила саму себя девушка.

Но она знала, что.

Как бы там Кариль ни хитрила, что бы там она ни говорила, мальчик знает правду. Его глаза видят не кожу, не тело, а душу – они смотрят внутрь, достают до самого дна. Они буравят, они выуживают все самое сокровенное, а когда ты перехватываешь этот взгляд, ты вдруг осознаешь, что происходит, и тебе становится противно, гадко. Тебя тянет блевать, потому что душа твоя прогнила давным-давно, потому что теперь ты видишь, что кто-то знает тебя – не только таким, каким ты кажешься всем вокруг, но и таким, какой ты на самом деле есть.

Эти глаза.

Неудивительно, что в этом мальчике столько отвращения.

В людях нет ничего хорошего – они словно червивые яблоки. Снаружи ничего может быть и не видно, зато внутри творится отвратительное действие поедания всего хорошего чем-

то посторонним. И каждый человек наивно думает, что никто этого никогда не увидит. И самое ироничное, что никто действительно не видит.

Кроме Оэджи.

Оэджи видит все.

8

– Ты же обещала, что устроишь нам встречу, – говорил Мариус, полусидя в постели и сверля Кариль беззлобным взглядом. В его груди застрял вздох, готовясь вот-вот вылететь из тесной клетки, наполнив собой воздух вокруг.

– Да ничего я не обещала! – в который раз повторила ему его девушка, расстегивая лифчик и складывая белье аккуратной стопочкой на стул около рабочего стола.

За сегодняшний вечер она успела проверить все работы, которые задавала, – даже учеников, уроки у которых она будет вести только в конце этой недели. Причина была проста – надо было как-то отвлечься от бесконечных мыслей. Самый лучший способ избавиться от непрошенных рассуждений – заставить мозг думать совершенно о другом, полностью погрузиться в работу. То есть буквально потонуть в ней. Погрязнуть по уши и даже глубже – чтобы никто и ничто не смогло вытащить из этой трясины.

И Кариль это удалось – пускай она измоталась донельзя, пускай проголодалась (потому что не ела чуть ли не десять часов), пускай голова болела так, словно по ней ударили кувалдой... Все это было неважно, потому что результат оправдывал средства как нельзя лучше – в течение продолжительного времени не скользнуло и воспоминания об Оэджи. А раскалывающаяся черепушка не позволяла и сейчас думать об этом ученике.

И теперь, наспех перекусив парой бутербродов без кофе и чая (не дай бог не заснуть!), Кариль накинула на тело легкую тряпочку, которую ночной рубашкой назвать весьма трудно, и залезла под одеяло, коснувшись Мариуса локтем.

– Я снова задала им написать ответ вымышленному другу, – нарушая молчание, проговорила она и положила голову на плечо парня. – Дуешься? – пробубнила, не услышав ответа.

– Немного есть, – ответил он серьезно, не шевелясь и все так же держа руки сложенными на груди. – Я просто не хочу становиться наблюдателем. Понимаешь? – тут же продолжил он. – Ты не устроишь нам встречу – я это понял. Мне обидно, конечно, что такой интересный случай ты не даешь мне изучить, но... что ж, как угодно. Я ведь не могу тебя заставлять. Не хочу тебе докучать и надоедать. Ты сама можешь решить, как будет лучше. Тебе и Оэджи.

Он замолчал, давая Кариль возможность как-то защититься, но та только слегка пошевелила головой на его плече. Слегка повернувшись в ее сторону, Мариус только улыбнулся.

Кариль уже спала.

«Бедняжка моя», – подумалось ему. «Работать учителем очень сложно. А особенно такому человеку, как ты.

Тебе хочется развлекаться, танцевать в ночных клубах – прожигать жизнь, в общем-то. Но никак не работать. Но зачем ты тогда каждое утро поднимаешься и идешь туда, в школу? Зачем ты мучишь саму себя?»

Не дав своему вымышленному собеседнику шанса на ответ, Мариус продолжал диалог (хотя скорее – монолог) внутри себя:

«Да потому что ты стремишься что-то доказать самой себе. Что? То, что ты сильная. Что ты взрослая. Что ты можешь успеть и тут, и там – и порезвиться, и поработать. Ты хочешь доказать, что одно на другое не будет плохо влиять. Я также понимаю и то, что ты хотела бы постепенно уменьшать время работы, но так, чтобы это не сказывалось на зарабатываемых деньгах. Ты хочешь качественнее работать? Навряд ли. Скорее всего, ты хочешь пробиться на такой уровень, где блат за тебя будет делать деньги. Так обычно происходит у вышестоящих – деньги им в руки потоками льются. Но ты слишком высоко метишь, ты слишком быстро хочешь перевернуть это все.

Бедная.

Хочешь получить все и сразу. Веселишься и танцуешь. Ты либо не знаешь, либо предпочитаешь не думать, что система и тебя подогнет под себя – ты тоже позабудешь про отдых и превратишься в одну из шестеренок механизма. Ты тоже перестанешь замечать разницу между тем или иным днем, и даже черты твоего лица будут постепенно сглаживаться и терять свои особенности. Ты превратишься в часть толпы, а толпа безлика. Так, звенья цепи не отличаются одно от другого.

И то, что ты решила сама взяться за Оэджи, также говорит о том, о чем я сейчас упоминаю. Ты согласна с его раздражением, ты принимаешь и понимаешь его. Пускай этот мальчик резко выражается (в юности резкость свойственна, равно как и порывистость, импульсивность), но зато в его словах есть смысл.

Как часто дети говорят о том, что думали взрослые в их возрасте! Но только почему эти самые взрослые отказываются слушать свои же собственные слова?

Оэджи...

Мне хотелось бы поговорить с тобой – у меня уже накопились вопросы. А я ведь даже ни разу с тобой не разговаривал...

Как бы то ни было, я буду ждать. Кариль, как сама со всем разберется, наверняка сведет нас лицом к лицу. До тех пор мне надо лишь набраться терпения и не надоедать своими постоянными просьбами о встрече с тобой.

Ты интересный парень. Ты не злой и не агрессивный, однако в тебе что-то... сидит. Это... недовольство. Оно свойственно каждому человеку. Просто мы умеем сносить удары судьбы, умеем держать язык за зубами, а своего демона – в клетке.

А ты...»

Мариус на какой-то миг прервал свои размышления и, оторвав взгляд от макушки Кариль, уже давно повернувшейся в противоположную от парня сторону, сел на край кровати.

Скрестив кончики пальцев и положив руки на колени, Мариус посмотрел в пол, а потом перевел взгляд на дверной проем. Зачем он это делал – неясно. Что это ему дало? Можно подумать, что он хотел тут же сорваться и куда-то пойти. Но – кто знает, что творится в душе человека?

«Ты», – снова подумал юноша, бессмысленно глядя перед собой. Еще секунду храня молчание как снаружи, так и внутри, он слегка скривил губы. «Твой демон еще даст о себе знать. Ты его еще выпустишь. Чувствую, что закончится вся эта история весьма плачевно... По-хорошему, надо бы мне поскорее тебя разыскать, но... Не могу же я влезть в Карилины дела... Я...

О черт! Хватит думать!»

Мариус снова откинулся на спину.

Сколько там времени? Да давно уже за полночь. Завтра с самого утра и до позднего вечера у него клиенты. Весь день будет забит, так что надо бы понабраться сил и выспаться.

Мариус поелозил в кровати.

«Выспаться так, словно больше некогда будет спать».

3

9

Привет, мистер Шляпа!

Существуй ты, непременно спросил бы меня, почему я вновь к тебе пишу. На самом деле, причина весьма проста: мне не с кем поделиться новостями. Да, к сожалению, последнее время мне стало настолько скучно, что я испытываю странную потребность обмениваться словами хоть с кем-нибудь. Пускай даже с кем-то вымышленным.

Я отправляю тебе письма – так я это называю. Но на самом деле я выкидываю их в мусорное ведро. Может, кто-то однажды подберет эти листочки и прочтет то, что на них написано, но – кто знает? Я с уверенностью могу утверждать лишь, что точно будут прочитаны те письма, которые я черкаю по велению Кариль, моей учительницы по литературе и языку. Кстати говоря, новости, побудившие меня взяться за ручку и бумагу, касаются непосредственно ее.

Дело все в том, что я давеча с ней познакомился. Наша встреча для нее вряд ли могла быть ожидаемой, она скорее списала ее в «случайности», тогда как для меня это знакомство было не чем иным, как судьбой. Вселенная столкнула меня с Кариль Коссива, а я – я только плыву по течению, выполняя то, что мне говорят выполнять небеса.

Видел бы ты ее глаза! Я обожаю, когда за чем-то ординарным на первый взгляд скрывается нечто необычайное, красивое и будоражащее самые глубины души. Вот именно такие это глаза! Посмотрев в них, думаешь, что это просто карий цвет с черной точкой посередине и ничего особенного, невероятного тут нет, но... не забывай, что я смотрю вглубь вещей. Это значит, что я вижу многое из того, что обычному человеку увидеть вовек не удастся.

И я обнаружил то, что заинтересовало меня. Я обнаружил то, чего ждал так долго.

Вселенная снова указала мне верное направление. И я снова иду по нему, следуя в неведанное с трепетной верой в вечность.

Моя скука рассеивается, и я этому безмерно рад. В ближайшие века я уже не буду так же счастлив.

Оэджи.

10

Мариус уехал на работу рано утром, аккуратно заправив часть своей кровати, помыв за собой посуду и погасив везде свет. Пока он все это делал – умывался, одевался, ел – он не издал ни единого громкого звука или хотя бы шороха. Мариус двигался практически бесшумно – словно убийца, отслеживающий свою жертву. Со стороны это наверняка казалось именно так. Однако ему просто неловко было доставлять неудобства своей девушке. То, что ты сам встал, не значит, что и другие должны вставать.

Можно было бы подумать, что парень передвигался по собственной квартире как можно более осторожно, боясь вздохнуть или сделать неверный шаг. Нет. Напротив. Понимая, что чем больше стараний ты вкладываешь в свою конспирацию, тем вероятнее себя выдать, он совершенно спокойно ходил по помещению, открывал и закрывал двери. Мариус вообще был натурой весьма тихой, поэтому его утреннее брожение туда-сюда ничем, собственно, не отличалось от дневного и вечернего. Он был тих, он был незаметен. Хотя никаких усилий к этому он не прилагал.

Кариль, проснувшись, не обнаружила и следа того, что кто-то тут был – так аккуратно все было сложено и убрано. «Не парень, а домохозяйка какая-то», – подумала девушка, улыбаясь и надевая тапочки.

Наверное, если бы действительно не чувствовалось в комнате и намек на Мариуса, Кариль начала бы не то чтобы паниковать, но нервничать. Она бы не смогла объяснить, почему так случилось бы, но сейчас она просто ощущала, что несомненно нервность имела бы место быть.

Но, как бы все ни было заправлено и вычищено, в воздухе витало нечто, что можно было бы назвать душой Мариуса. Не пот, не вонь, не запах одеколона – вообще не запах. Что-то такое, что ощущаешь не носом, не ртом, а именно кожей – какая-то нежность или... любовь? Фраза: «я всегда рядом», обволакивающая словами наподобие теплого манти?

Кариль быстро собралась и уже через полчаса после подъема с кровати выходила из дома. Настроение у нее было не сказать чтобы приподнятое, но и не такое уж мрачное. Так себе настроение. Так себе день. Без Мариуса, без его утренних поцелуев было как-то непривычно.

Девушка вздохнула.

Мысли, хвала небесам, в этот раз не кружились вокруг одного только Оэджи, теперь голова учительницы была забита еще и Мариусом. Как и сердце. Конечно, странно чувствовать себя некомфортно потому только, что любимого тобой человека нет рядом всего только несколько часов, но – что поделать? Такова натура многих людей – они, словно собаки, рады, когда на них обращают внимание, и они так же сильно тоскуют вдали от своего хозяина.

Нет! Кариль и Мариус не были собакой и хозяином, что за чушь! Крепкие узы связывают людей не только с братьями меньшими, но и друг с другом.

Пока все эти мысли витали в сознании, Кариль уже дошла до школы. Удивительно, как она даже и не заметила этого. «Наверное, рефлексы выработались», – подумала она без особого энтузиазма. «Да и не удивительно: сколько раз по одной и той же дороге добиралась до работы».

День ее начинался как-то скучно. Однако, несмотря на это, спать почему-то совершенно не хотелось. Плюс к тому – раздражения и недовольства не было. «Может, действительно во вчерашних вспышках виноват недосып?» – спросила себя Кариль и слегка качнула плечами. Вчера на нее свалилась агрессия, а теперь ее телом и ее душой владела бескрайняя апатия. Ей не хотелось сидеть тут (равно как и вчера), ей было все равно на происходящее (равно как и вчера), ей хотелось уйти (равно как...). Вот только вчера ей приходило все это в голову потому лишь, что внутри сидела какая-то необъяснимая злоба. Сейчас же ей было просто все

равно. Ей даже и уйти хотелось... куда-то. Она не смогла бы сказать, куда. Она просто знала, что здесь ей быть не хочется. Вот и все.

Кариль толком и не заметила, как прошли все шесть уроков, стоящих в расписании на данный день. И как бы то ни было странно, даже час в классе с Оэджи прошел несколько не так, как она бы того могла ожидать. Не найдя другого объекта, Кариль вперилась взглядом в знакомую рыжую макушку, но смотрела без особого интереса. В ней не было вообще никаких чувств. «Апатия какая-то посетила» – думала она раз за разом. И это было необычно. Никогда такого не происходило. Почему сейчас вдруг?..

Все это не давало девушке покоя не только в школе, но и после нее. Выйдя из здания, Кариль не почувствовала ни облегчения (как то обычно с ней случалось), ни прилива сил – настроение оставалось неизменным, и это начинало тяготить. Чтобы развеяться немного, она приняла решение прогуляться несколько часов (до вечера) в парке недалеко от дома. Возвращаться туда, где нет Мариуса, автоматически считалось невозможным по одной простой причине – делать нечего в пустующей квартире. А сейчас так хотелось либо компании, либо хотя бы одиночества на природе.

Когда она ступила с асфальта на каменную дорожку парка, сразу же ощутила некоторые изменения – эдакий мало заметный внутри и совершенно незаметный снаружи душевный подъем.

Кариль подняла глаза и осмотрелась – солнце несильно грело, позволяя ходить в пальто нараспашку, ветер дул теплый, а деревья, дефилировали своими последними нарядами в этом году, готовясь в конце концов полностью раздеться. «Как настоящие модели» – усмехнулась девушка, проходя мимо шепчущей что-то березы. «Разве что в постель со спонсорами не ложатся».

Что это?

На секунду Кариль даже остановилась и приложила руку к груди, склонив голову немного книзу.

Что это?

Она явственно ощутила какую-то горечь на языке – наверняка послевкусие только что отзвучавшей в голове мысли. Ирония? Завуалированное и пока еще не отчетливое недовольство? Допустим. Но отчего бы? Весь день абсолютно никаких эмоций, а теперь вдруг всплеск?

«Что-то мне это не нравится», – Кариль с затаенным чувством некоторого опасения огляделась, словно бы где-то поблизости затаился маньяк, источающий плохую энергетику.

Плохая энергетика...

Вот и снова в сознании засветилось имя того рыжеволосого мальчонки – Оэджи Улло. Кто еще может испускать такие мощные флюиды? Ясное дело – он. Несомненно, этот восьмиклассник сейчас недалеко от нее.

Кариль пробрала дрожь.

Следит он за ней, что ли? Парк не такой уж и популярный, так что вероятность встретить тут хоть какого-то знакомого равняется... ну, математика – это не тот предмет, который она изучала, посему девушке вполне хватило и не точных цифр, а примерного округления до «меньше трети сотни процентов». Что поделать – такой вот она человек. Зачем нагружать свой мозг сверх меры ради точных цифр? Это всего только черточки, символы, ничего в себе, по сути, не несущие, кроме как довольно относительных данных.

Пришлось встряхнуть головой, дабы отогнать непрошенные мысли.

Все ясно: раз в голове снова завертелись суждения, вызывающие негативную реакцию организма, значит, Оэджи где-то тут.

«Я как приемник радиоволн», – краем рта усмехнулась девушка, шагая дальше по дорожке и вглядываясь в каждого встречаемого человека, осматривая каждый кустик (ну а вдруг?). «Мальчишка шлет мне злобу, а я ее принимаю. Только вот почему, интересно,

раньше такого не случалось? Я же не первый день у 8 „В“ преподаю. В чем дело, в таком случае? Странно это...»

Но тут ее словно молнией ударило – Кариль остановилась как вкопанная. Около озера на скамейке сидел не кто иной, как тот самый рыжий паренек. Он не кормил уток и не читал книгу, но он просто смотрел, казалось бы, в одну точку – прямо перед собой. Картина со стороны очень напомнила девушке вчерашний урок и тот же самый неотрывный взгляд, в том случае, в учебник, а в этом – на воду.

– Снова пялитесь? – услышала Кариль холодный голос. По коже пробежали мурашки, и девушка поспешила спрятать руки за спину.

«Я даже не заметила, как подошла», – неизвестно перед кем оправдывалась она. «Что он, магнитом меня притягивает, что ли?»

Кариль сглотнула и сделала еще несколько шагов по направлению к скамейке, не спуская глаз с недвигающегося Улло. Она могла бы попробовать скрыться, как можно скорее ретироваться, надеясь на то, что мальчик решит, что ощущения его обманули, но... Какой смысл сбегать, если очевидно, что человек тебя заметил? Нет никаких сомнений, что этот рыжий гад совершенно точно почувствовал взгляд Карилиных глаз.

«У него глаза на затылке, что ли?» – подумала она и почувствовала, как пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки, а ногти больно впиваются в ладони. Девушка бросила взгляд на свои руки и, снова расслабив их, посмотрела в сторону скамьи. Она готова была поклясться, что заметила, как краешек рта ее ученика чуть-чуть приподнялся то ли в усмешке, то ли в удовольствии.

Более-менее совладав со своими эмоциями, Кариль подошла еще ближе к скамье и села на нее рядом с Оэджи. Она понимала, что просто сидеть рядом с мальчишкой не вариант, что из подвернувшегося случая нужно извлечь по максимуму выгоды. Она понимала, что надо бы позадавать вопросы, расспросить Улло о его жизни, но мысли будто испарились. Если раньше голова была забита только этой вот загадочной персоной, то теперь была практически абсолютно пуста.

Чуть-чуть покосившись влево, она отметила, что Оэджи совершенно так же сидит и смотрит вперед. Казалось, его ни капли не интересует ни Кариль, ни что-либо еще. Он смотрел куда-то в одну точку и не думал отвлекаться на мелочи.

– Если я заметил вас на расстоянии, – нарушил-таки он молчание. – Неужели вы думаете, что я не вижу, как вы коситесь в мою сторону?

Кариль сглотнула, ощутив комок в горле. Ей стало холодно – очевидно, выступил пот.

– Ну как мне не пялиться, – девушка решила сыграть по установленным правилам и попыталась придать своему голосу как можно более незаинтересованный тон. – Если ты персона довольно необычная?

Сказав это, Кариль вдруг поняла, что сморозила какую-то чушь. Если каждое предложение, сказанное Оэджи, имело какой-то вес и осадком оставалось где-то в мозге, то ее собственные фразы взлетали ввысь, притом очень и очень быстро. Ее слова не имели смысла, хотя говорившая хотела наполнить их значением. Слишком много усилий она прилагала для этого, тогда как ее собеседник даже не напрягался.

Оэджи хмыкнул. Кариль даже показалось, что это было беззлобно.

– Лучше не пытайтесь, – коротко сказал он.

Кариль нахмурила брови. Он, что, думает, что его все должны понимать с полуслова?

– Не пытайтесь... – проговорила она, желая вынудить парня на пояснение. Но тот молчал. – Что?

– Не пытайтесь подражать моей манере вести разговор, – Оэджи слегка повернул голову в сторону Кариль. Его руки опирались о деревянные доски скамейки, представляя из себя

нечто наподобие прямых палок. – Я чувствую, когда кто-то корчит из себя не то, что он есть на самом деле. Я чувствую, когда пытаются быть лучше, чем есть.

Кариль опешила, ощутив, как в груди закипает негодование.

– И какая же я на самом деле? – скрипнула она зубами, представляя, как ими же впивается в глотку этому рыжику сбоку.

«Выродок!» – скользнуло в голове. В тот же миг Оэджи хмыкнул и отвернулся, не сказав ни слова. Его реакция вполне ясно отвечала на заданный вопрос. Он просто чувствовал людей. Чувствовал биение их сердец и мог поэтому сказать, что за эмоции они испытывают в данный момент. Он чувствовал тон голоса и знал совершенно точно, когда ему врут или когда перед ним позерствуют.

Кариль злила эта напыщенная самоуверенность. Пришлось впиться ногтями в скамейку, чтобы не расцарапать лицо Оэджи.

– Зачем вы здесь сидите? – вдруг снова подал голос рыжик.

Кариль закрыла глаза. Она всеми силами пыталась сдержать в себе злость. Неосознанную, неконтролируемую, непонятную. Безмерную. Настолько же черную, насколько черными были однажды увиденные ею глаза Улло.

– А ты? – ей не хватило бы дыхания ответить, и поэтому она перевела стрелки.

Оэджи снова чуть повернул к Кариль голову – так, что девушке стали видны белок его правого глаза. Казалось, он не слышал вопроса, потому что не отвечал еще некоторое время, замерев в этой позе. Когда же учительница хотела повторить вопрос, Оэджи отвернулся и сказал:

– Я люблю сидеть в парке.

Его голос не был раздраженным. Кариль даже подняла на него глаза, сомневаясь, с тем ли человеком она разговаривает. Но нет – это был не кто иной, как Оэджи Улло.

– Я люблю смотреть, как ветер покрывает пруд рябью, как он же наполняет меня. Это все равно что читать книгу: я вдыхаю и чувствую, как во мне говорят деревья и трава. Я закрываю глаза и вижу картины намного живописнее, чем те, что висят у вас в музеях...

– Вас? – не поняла Кариль, но тут же прикусила язык, боясь, что говорящий прервется. Но тот либо не слышал ее, либо проигнорировал риторический вопрос. Он продолжал:

– Тут нет людей, тут нет даже животных.

Кариль быстро посмотрела вправо-влево. Действительно: никого нет. Она прислушалась: тишина.

Странно, что в парке только она и он.

– Но я тут не один, – продолжал Оэджи, выждав, когда слушательница удостоверится в его словах. – Со мной природа. Красивая, тихая и... правдивая. Она никогда не врёт, она никогда не стареет. Она всегда прекрасна и чиста, и поэтому я ее люблю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.